

А. Эппель

О пользе переводов и критики

Если помнить, что литература Европы, расставаясь с уютной и удобной латынью, возникала в своих национальных ипостасях не одновременно, и если учесть, что европейский культурный навык, превосходно обслуживаемый тою же бесценной латынью, привык к

1. Войны всех против всех. (лат.)

незамедлительной, почти молниеносной взаимной информации, то правильно будет предположить, что литературный перевод следовал за появлением нарождающихся произведений литературы немедленно, как Иаков, держащийся за пятку Исава.

А если оно так, то, продолжая сравнение, следует помянуть и о первородстве, ибо самой собой получалось, что перевод в стране, для которой и в которой он был сделан, становился пластической и стилистической реальностью, меж тем как первоисточник оказывался культурной абстракцией, отдав переводу свою репутацию, свое имя и свою славу. Таким образом, новое произведение, созданное произволом переводчика, обретало непререкаемый авторитет и креативную роль в грядущем и по тысячам культурных капилляров начинало влиять на возникающую книжность пока еще безлитературного региона, и само становилось исходной позицией национальной культуры, первым ее шедевром, ибо все, что в литературах бывает первым, потомки безусловно и безоговорочно почитают за шедевр.

Возникнув, национальная литература затем окрепнет, сама станет опережать другие литературы, совершать свои открытия, становиться во главе великих литературных эпох, но всегда и везде неминуемо придется осваивать культурные ценности, созданные чужеземцами, и если у чужеземцев имела место удача, то удачу эту необходимо будет освоить, затем — усвоить, а затем, создав зачастую по образу и подобию чужой удачи нечто свое, — присвоить. А значит, Иаков, держащийся за пятку Исава, рождается постоянно и неминуемо.

Таким образом получается, что заимствующая среда обретает некий вариант культурного продукта, и определение «вариант» кажется мне высокой оценкой, правильным именованием, ибо произошла по сути дела подмена, причем совершенная некоей конкретной личностью. Хорошо, если творческой, и хорошо, если личностью. Но об этом говорить здесь не хочется, а хочется еще и еще раз отметить, что всякое литературное заимствование, оплодотворившее или побудившее к развитию некую национальную литературу, вызвавшее к жизни новый стиль, новую эпоху, или наметившее, скажем, пути развития, прошло через руки некоего посредника, побывало в тиглях и ретортах таинственного алхимика, прошло придирчивую таможенную какого-то постороннего вкуса, не избежало чьих-то пристрастий, возможно даже любви, возможно даже чрезмерной, возможно даже равнодушия, хорошо, если профессионального.

Таким образом, у истоков события стоит он, культурное инкогнито, таможенник и контрабандист в одном лице, человек, отыскав-

ший у чужих истину и красоту для своих, могущественный вассал безразличного к происходящему сюзерена. Он. Переводчик.

Идеальным переводчиком человеческого голоса была прилежная богиня Эхо. Но Эхо всегда раздражает своей механической старательностью, своей готовностью идеально повторять все, даже бессмысленные туристские выкрики.

У природы есть еще один безупречный переводчик. Почти безупречный. Птица-пересмешник. Она умеет петь, как другие птицы, но сама бездарна и самолюбиво старается разнообразить чужую песню своими каденциями. Это она делает убийственно плохо, и потому ей нет веры.

Так что единственный приемлемый пересмешник — это пересмешник пристрастный, тонкий в своей наблюдательности, безупречный в тщательности и по праву присвоивший амбиции творца.

Он — поводырь, он — толкователь, он — законоучитель.

И, как правило, он довольствуется ролью культурного инкогнито.

Однако не всегда. Бездумные потомки иногда спохватываются, преисполняются благодарностью и причисляют переводчиков к лику святых или блаженных — блаженный Иероним, святые Кирилл и Мефодий.

Если Библия — по мысли академика Лихачева — содержит в себе код европейской культуры, то Иеронимова Вульгата или Евангелие, переведенное для славян Кириллом и Мефодием, безусловно явились культурно-стилеобразующим кодом на территориях своего воздействия. И если в начале времен было Слово, то Слово этих творений послужило началом и побудителем многому из того, что мы называем европейской культурной традицией.

Великие переводчики эти, а также многие другие, прославленные на этом поприще мужи, не только нашли достойную и единственную в каждом конкретном случае лексику, — попутно заметим, что и тут авторские пристрастия были неизбежны, — но — и это самое главное — сделали создателями стиля, а стиль сотворяется навечно, и всякий, берущийся за перо вслед создателю стиля, окажется перед дилеммой — быть или последователем, или отрицателем, а значит, создать новую стилистическую стихию. Причинная связь налицо, притом что изначальная причина с течением времени, а затем с ходом времен покрывается патиной древности, а следовательно, обретает черты совершенства абсолютного, безупречного и недостижимого.

Гусиное перо, некогда умокнутое в монастырскую чернильницу и, возможно даже, посадившее кляксу, впредь и навсегда одухотворило жизнь многих народов.

Человек, умокнувший перо, не отводил при этом глаз от пергамента, на котором чужое, но бесконечно понятное ему перо навсегда увековечило иную, неуловимую, не дающуюся в руки чужую духовность.

Так бывает, если человечеству или городу, или миру повезет. То есть, если посредником был святой человек, беззаветный подвижник, дарование и трудолюбие которого были безграничны.

Все ли переводчики — поводыри, толкователи и законоучители?

Нет. Причем по разным причинам. Если говорить о людях добросовестных, а о других говорить не имеет смысла, окажется, что неточность выбора, диапазон таланта, личный вкус и ученость, писательская квалификация, наличие необходимой опорной традиции, затрудненный доступ к источникам и словарям, а то и полное отсутствие таковых — все это может сделать работу переводчика несовершенной, результат сомнительным, и, в данном случае, читатель, а в его лице культура, поневоле направляются на ложный след, получают неточный импульс, обретают недостоверный репортаж из другой культуры.

Такое происходит настолько часто, и настолько часто приумножает достижения подобного рода массовость культуры, и настолько не хватает не то что подвижников, но просто добрых профессионалов, что литература одного народа приходит в другой народ в виде вакцинированного, усредненного, семантически бесплодного. Весь контрапункт национальной культуры, историко-литературный опыт поколений, духовная и душевная ментальность народа, контекст веков, всегда, как и все перечисленное, присутствующий многими отголосками и вкраплениями в любом, достойном внимания литературном произведении, ускользают от человека некомпетентного, даже если добросовестность его очевидна.

И единственный, кто может во всем разобраться, это критика. Не знаю, как обстоит дело в других странах, но в моей — критика такого рода почти отсутствует, хотя у нас, где пересекаются творческие усилия многих народов, а также пути древних и новых культур, проблемы эти, как мне кажется, в переводческом деле сейчас первостепенны.

Мы давно и очень хорошо научились переводить. Наши *лучшие* переводчики справляются с любыми задачами. Но лучших переводчиков мало, что всегда и всюду бывает. Социальный же заказ на переводную литературу велик. Нужно непрерывно следить за ним, знать его болезни и недостатки.

Критик переводного произведения всегда должен быть литературоведом или, еще лучше, культурологом по той стране, литературу которой в переводном варианте он разбирает. На нынешнем этапе это — предпочтительней всего — тонкий знаток, суровый судья,

умелый литератор. Его исследовательский и аналитический метод обязаны учитывать профессиональную историю и сторону переводческого дела, систему возможностей и невозможностей, шкалу допустимого и недозволенного. Из предлагаемых переводчиками подходов и методов перевода именно он должен вовремя ощутить любой дефицит, возникший в родной литературе, и своим авторитетом высокого специалиста подсказать пути освоения необходимых ценностей другой культуры.

Вероятно, это мечта, ибо на каждую литературу найти такого знатока невозможно, да и почему бы такому знатоку при такой осведомленности и умелости самому не стать переводчиком?

И все-таки любые успехи в этом направлении драгоценны.

Не забудем, что макавшие перья в монастырскую чернильницу сподобились святости.